



Даниил Лукич Мордовцев Москва слезам не верит

Scan by Ustas, OCR&Spellcheck by Zavalery
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=139292
Мордовцев Д. Л. Москва слезам не верит.: Моск. рабочий; М.; 1993
ISBN 5—239—01365—9

Аннотация

Историческая беллетристика Даниила Лукича Мордовцева, написавшего десятки романов и повестей, была одной из самых читаемых в России XIX века. Не потерял интерес к ней и в наше время. В произведениях, составляющих настоящий сборник, отражено отношение автора к той трагедии, которая совершалась в отечественной истории начиная с XV века, в период объединения российских земель вокруг Москвы. Он ярко показывает, как власти предрержащие, чтобы увеличить свои привилегии и удовлетворить личные амбиции, под предлогом борьбы за религиозное и политическое единomyслие сеяли в народе смуту, толкали его на раскол, духовное оскудение и братоубийственные войны.

Содержание

I. КАЛИКИ ПЕРЕХОЖИЕ	4
II. ПРО СВЯТОРУССКУЮ СТАРИНУ	7
III. ХЛЫНОВ СПРАВЛЯЕТ РАДУНИЦУ	10
IV. РОКОВОЕ РЕШЕНИЕ	13
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Даниил Мордовцев

Москва слезам не верит

I. КАЛИКИ ПЕРЕХОЖИЕ

В хоромах князя Данилы Щеняти, что у Арбатских ворот, идет пир горой или, как поется в былинах, «заходило пированьице, почестей пир, собирались все князья, бояре московские».

– А где же, князюшка-сват, твои калики перехожие, что похвалился ими? – спросил боярин Григорий Морозов, сильно подвыпивший, но крепкий на голову и на ноги.

– А на рундуке... Ждут, когда почестен наш пир разыграется.

– Чего же ждать, дорогой тезушка, коли «княжеский стол по полустоле, за столом все пьяни, веселы», – сказал, ставя на стол свою чару, старый князь Холмский Данило Дмитриевич, победитель новгородцев на берегах Шелони-реки.

– Ладно... Веди калик, – кивнул хозяин старому дворецкому.

В столовую светлицу вошли трое калик перехожих: двое молодых и зрячих, а третий старый и слепой. Войдя, калики «крест клали по-писаному, поклон дали по-ученому» и, откашлявшись, затаили:

Нашему хозяину-князюшке честь бы была,
Нам бы, ребятам, ведро пива дано:
Сам бы хозяюшка с гостями испил
Да и нас бы, калик, ковшом не обнес.
Тада станем мы, калики, сказывати,
А вы, люди добрые, почетные, слушати,
Что про стары времена, про доселетния.

Калики на минуту приостановились, и старший из них, слепой, достав из-за спины «домру», стал перебирать струны... Пирующие притихли: в мелодии слепца слышалось что-то внушительное.

По знаку дворецкого холопы поднесли певцам по ковшу пива. Те перекрестились, выпили, утерлись рукавами...

И вдруг с уст их полилось торжественное:

Из-за лесу, было, лесу темного,
Из-под чудна креста Леванидова,
Из-под бела горюч камня Латыря, —
Тут повышла-выходила, повибежала,
Выбегала тут, волетала Волга-матушка,
Лесом-полем шла верст три тысячи.
А и много в себя мать рек побрала,
А что ручьев пожрала – счету нет,
Широко-далеко под Казань прошла,
За Казанью-то реку, Каму выпила,
А со Камушкой-то Вятку пожрала.
А той Вятке-реке честь великая:

Поит-кормит она славный Хлынов-град¹,
Что родной он брат граду Новгороду...

– Как! – остановил певцов боярин Морозов. – Хлынов – родной брат Новгороду?.. С какой такой родни?

– А как же, боярин, – отвечал слепец, – спокон веку так повелось, от дедов и прадедов наших: Хлынов – меньшей братец Великому Новгороду.

– И мне то же сказывали новгородцы, – поддержал слепца князь Холмский. – Даже посадница Марфа про родство Хлынова с Новым-городом говаривала. И чудно так, словно сказка...

– Не сказка, боярин-батюшка, а быль истинная, – настаивал слепец.

– Так ты расскажи, старче, а мы послушаем, – возвысил голос хозяин и кивнул холопам...

Калики перехожие снова осушили по ковшу пива.

– Давно это было... – степенно начал слепец. – Не сто и не двести лет, а, може, с полутысячи годов тому будет. Воевал тогда господин Великий Новгород – чудь белоглазую. Все мужья новгородские, и стар, и млад, ушли на войну. Не год, не два воевали, а поди годов пять. И соскучились в Новгороде бабы по мужьям. Знамо, дело женское, плоть бабья несутерпчивая...

– Так, так... – угрюмо заметил боярин Морозов. – В Писании убо сказано: «Баба – сосуд сатаны».

– Не всякая баба такова, – возразил князь Холмский. – Ну а что же дале? – обратился он к слепцу. – Сказывай, старче.

– А тут, господа почестные, вышло как будто и по Писанию... – раздумчиво продолжал слепец. – Бабы-то Новгорода, точно горшком этим, чертовым, оказались... Со скуки-то по мужьям и сошлись многие из них, и боярские жены, и служилых людей, и смердки, – сошлись, так бы сказать, с молодью безбородою, что еще и в походах не бывали.

– А и не пять – ровно семь годков воевала тогда новгородская рать... – вступился, будто оправдывая что-то, один из молодых певцов. – Так, слышал, старики баяли.

– Ин пушай семь, – согласился слепец. – В эти-ту семь годков жены новгородски и прижили с молодью деток. Как тут быть? Воротятся мужья, найдут приплод... Стало быть, либо в прорубь головой, либо...

– Так все мне и посадница Марфа сказывала, – подтвердил Холмский.

А слепец продолжал:

– Знамо дело: новгородцам не привыкать было стать ушкуи строить... И понастроили, оснастили, запаслись зельем пороховым, пушками со стен городских, захватили рухлядь, весь обиход, казну... помолились у Софией Премудрости Божией да и вышли Волховымрекою в Ильмень, а Ильменем – в Ловать-реку, а из Ловати переволоклись на Волгу...

– Точно, точно, – подтвердил князь Холмский. – Так и ушкуйники встарь дельвали.

– Да и Василий Буслаев со своею удалью... – сказывал хозяин. – Этот и до Ерусалима-града доходил, и в Ердань-реке крестился.

Все гости князя Данилы Щеняти заинтересовались рассказом слепца.

– Ишь ты!.. И впрямь, выходит, Хлынов-град Великому Новгороду брат.

– Такой же разбойник, как и старший братец: что от него терпят вологжане, устюжане, каргопольцы, двиняне, даже тверичи – не приведи Царица Небесна!

– Надо бы его ускромнить, как ускромнили Новгород с другим его младшим «братцем» – Псковом.

¹ Так назывался до 1789 года город Вятка, ныне – Киров.

– А поди и у них есть своя Марфа-посадница, у хлыновцев этих?

– Как не быть: везде баба! Сказано: «сосуд сатаны».

В это время князь Холмский обратился к боярину Шестаку-Кутузову:

– Онамедни на тебя, боярин, намекал великий государь... Кажись, тебя удумал государь послать под Хлынов с ратными людьми.

– Ой ли! – обрадовался тот. – Пошли, Господи! Пора бы и мне косточки поразмять.

В этот момент дверь столовой палаты растворилась и на пороге показался новый гость... Его сухое, пергаментное лицо обличало либо великого постника, либо человека заработавшегося; зато этот усохший, иконописный лик освещали живые, ясные глаза.

– А! Кум Федор! – радостно воскликнул хозяин. – Добро пожаловать... Что так запоздал?

– У великого князя на духу был, – отвечал пришедший, кланяясь гостям князя Щеняти.

– Добро... Выпей первее, куманек. На духу у государя был, чаю, умаялся... Он поп у нас строгий.

– А у тебя калики перехожие... – заметил пришедший. – Откедова?

– Из Хлынова-града.

– А!.. Из Хлынова? – и пришедший как-то загадочно улыбнулся.

К нему подошел князь Холмский.

– Ну, друже мой искренний, – сказал Холмский, – ты кстати пришел... Ты и великий книгочей, и голова твоя что вся царская дума... Ты нам порасскажешь про Хлынов-град.

Пришедший снова загадочно улыбнулся, взглянув на калик перехожих.

II. ПРО СВЯТОРУССКУЮ СТАРИНУ

Пришедший был знаменитый думный дьяк Курицын Федор, правая рука государя и великого князя Ивана Васильевича III.

Когда дьяк поздоровался со всеми и перемолвился несколькими словами, князь Холмский снова заговорил с ним.

– Вот эти калики, – сказал он, – поведали нам, откуда пошла есть вятская земля и город Хлынов, как бы стольной ее град... О том, как беглые новгородцы, вышед своими ушкуями на Волгу, доплыли до Камы-реки... Но что ж смотрела Тверь? Тягалась с Москвою, а не могла перенять беглецов. А Нижний? А Казань?..

– Да Казани в те поры и не было, – отвечал дьяк. – Ее поставили уже татары, что, как стая волков, нагрянули на Русь-матушку. А новгородцы те, войдя в Каму, срубили тогда себе городок... Лесу там не занимать стать. Но тут, как говорит летописец, прослышали они, что еще дале есть привольные земли. Не все, а большая их половина, поплыли по Каме и доплыли до высокой горы. А на той горе, видят, стоит город, укрепа вотяцкая. Как быть? Укрепа сильная! А было это перед днем памяти святых Бориса и Глеба². И начали они молиться угодниками, чтобы помогли им добыть этот город, и угодники помогли.

– Святители Борис и Глеб искони наши заступники перед Господом, – заметил Шестак-Кутузов. – Благоверному Александру Невскому они же помогли на проклятых свеев.

– Ведомо вам сие место? – спросил князь Щенята калик переходжих.

– Наши деды и прадеды назвали тот городок Болванским, – отвечал слепец. – Потому как они нашли тамotka болванов-богов вотяцких. Ныне тот городок Никулиным слывет.

А дьяк Курицын продолжал:

– И построили наши ушкуйнички в том Никулине церковь святых Бориса и Глеба, памятуячи их помощь себе. А те из них, беглых новгородцев, что первыми было осели на Каме, проведав о сем, поплыли вверх по Каме еще дальше, из Камы вошли в реку Вятку. Там в те поры сидели черемисы, и укрепа у них была городок Каршаров...

– Ладно, – перебил повествователя хозяин, – у тебя поди в горле пересохло...

Дворецкий тотчас налил дьяку чару вина и подал с поклоном.

Выпив чару, Курицын продолжал, точно читал по книге:

– Как добыть Каршаров? А святые Борис и Глеб на что?

И стали наши ушкуйники молиться угодникам, и угодники помогли. Напустили они на черемис видение, бытто на них идут несметные рати, и убоялись те, и убегли. И из Каршаров стал городок Котельнич.

– Это уже опосля назвали его Котельничем, – заметил слепой калика. – Тамotka наши деды медь и железо и учили делать котлы знатные. С той поры Каршаров и стал Котельничем.

– А что ж Хлынов-град, далеко ли еще до него? – спросил Морозов.

– Близехонько, – отвечал Курицын. – Сейчас доплывем. И точно: вскоре узрели высокую гору, что при впадении в Вятку-реку реки Хлыновицы. Так они назвали ее потому, что по той реке водились неведомо какие дикие птицы, коих крик пришельцам слышался якобы так: «Хли-хли! Хли-хли!»

– Есть такая у вас птица? – спросил хозяин калик переходжих.

– Може, и есть, батюшка князь, только мы не ведаем, про которую птицу говорится, – отвечали те. – Може, выпь, може гагара...

² 24 июля по старому или 6 августа по новому стилю.

– Узревши гору над рекою, – продолжал дьяк, – ушкуйники и возлюбили то место. И бысть новое тут чудо. Неведомо откуда пригнала, надо полагать, Небесная сила к тому месту такое великое множество готовых бревен, что было из чего срубить и детинец, и земскую избу, и церковь Воздвижения Честнаго Креста Господня...

Боярин Морозов не вытерпел... Он ударил кулаком по столу и горячо проговорил:

– Нет, князя и бояре!.. Не Небесная то сила пригнала к ним те бревна, а сила нечистая. Коли Господь стал бы помогать бабам, которые закон поломали, мужей обманули, казну покрали! Знаю, нечистая сила... А все бабы – сосуд сатаны! Стали бы угоднички помогать блудницам вавилонским, ни за какие молебны! А откедова они себе попов добыли? Тоже, чаю, беглые... да с чужими женами.

В это время дворецкий тихонько доложил что-то своему господину.

– Гости мои дорогие! – обратился хозяин к пирующим. – Прослышала моя благоверная про ваш приход ко мне и похотела сама почтить вас медами сладкими.

– Слава, слава княгинюшке на добром хотении! – воскликнули все разом.

И тотчас из внутренних покоев дородная княгиня выплыла, точно лебедь белая, а за нею холопы с подносами, уставленными чарами с медом, и началось потчеванье с поклонами.

Угощая гостей, княгиня с любопытством поглядывала на калик переходжих, ради которых, собственно, она и вышла.

– Поднесите и странничкам, каликам переходжим, – сказала она холопам, обойдя с ними всех гостей.

Выпили страннички. Зрячие лукаво переглянулись, а слепец спросил:

– Про старину молвишь, княгинюшка?

– Про старину, старче Божий, – был ответ.

По струнам домры тотчас ударили пальцы старшего из калик переходжих – неожиданно сильные для старика быстрые пальцы, и он запел протяжно, торжественно, а зрячие подхватили:

Как на славной было, братцы, на Сафат-реке.
Нездорово, братцы, учинилось.
Помутилась славная Сафат-река,
Помешался славный богатырский крут:
Что не стало большого богатыря
Старого удала Ильи Муромца!
Уж вы, братцы, вы, товарищи!
Убирайте-ка вы легки струженьки
Дорогим суконцем багрецовым,
Увивайте-ка весельчики
Аравитским красным золотом,
Увивайте-ка укрюченьки
Цареградским крупным жемчугом, —
Чтобы по ночам они не буркали,
Чтобы не подавали ясака
К тем злым людям – татаровьям...

Все сосредоточенно слушали стройное, за душу хватающее пение, княгиня сидела пригорюнившись и тяжело вздыхала, точно в церкви «на страстях». Это пелась былина о том, «как перевелись богатыри на святой Руси...»

Выехали в чисто поле все семь могучих богатырей с Ильей Муромцем во главе, и едва всесветный хвастун Алеша Попович громко воскликнул: «Подавай нам силу хоть Небесную, мы и с тою силою, братцы, справимся», как навстречу им «двое супротивников»... То были ангелы, и богатыри их не узнали. Завязался бой. Разрубил одного Алеша, а из одного стало двое!

Сколько богатыри ни рубили супротивников, а число их все удваивалось...

И богатыри от ужаса окаменели!

Калики перехожие кончили каким-то стоном:

С тех-то пор могучие богатыри
И перевелися на святой Руси!
Тут богатырям и старинам конец...

Княгиня, подперев щеку рукой, горько плакала...

III. ХЛЫНОВ СПРАВЛЯЕТ РАДУНИЦУ

Мы в Хлынове...

Над городом белая, ясная ночь севера, когда заря с зарею сходится. С ближайшего луга, что упирается пологим берегом в реку Вятку, несутся звуки веселых песен и визг «сопелий и свистелей», прерываемый иногда глухим гудением бубна. Слышны мелодичные женские хоры попеременно с мужскими. Это хлыновцы справляют веселую Радуницу³, канун рождества Иоанна Предтечи. В это время в самом городе мимо церкви Воздвижения Честного Креста, тихо бормоча про себя, пробирается старичок в одежде черноризца и с посохом в руке.

– Никак блаженный муж Елизарушка? – окликнул его женский голос.

Старик остановился и радостно проговорил:

– Кого я зрю! Благочестивую воеводицу Ирину... Камо грядеши в сию бесовскую ночь?

– И не говори, родной! И так-то горе на душе да думушки невеселые, а тут эта Радуница спать не дает. А иду я за моей ягодушкой Оничкой: убивается она по батюшке, так и пошла, чтобы горе размыкать, в церковь, помолиться и поплакать. Уж так-то она сокрушается по отце. А ты зачем в город да еще и на ночь?

– Бегу от беса полунощно: эти сопели да свистели с бубнами изгнали меня из моего скитка. Иду я теперь и повторяю про себя святые словеса отца Памфила, игумена Елизаровой пустыни: «Егда бо придет самый праздник Рождества Предтечева, когда во святую сию ночь мало не весь град возметется и в селях возбесятся в бубны и в сопели, и гудением струнным, и всякими неподобными играми сатанинскими, плесканием и плясанием, женам же и девам главами кивание, хребтами вихляние, ногами скакание и топтание... ту же есть мужам и отрокам великое падение, ту же есть на женское и девичье шатание блудное им воззрение, такоже есть и женам мужатым осквернение, и девам растление...»

– Ох, уж и не говори, Лизарушка-свет, – набожно качала головой та, которую назвали воеводицей. – На свет бы не глядели мои глазынки. А тут мой-то как в воду канул, с самого светлаго праздничка не подал о себе ни единой весточки.

– Да с кем, матушка? Да и то молвить: вить они в Казани около царя Ибрагима долгонько околачивались, договор с ним учиняли: стать заодно супротив князя московского Ивана Васильевича. Потом же в Москву отправились узнать-прознать обо всем...

– А коли мово-то с товарищи спознают там?

– Как их спознать? На Москве кого нет!

– Хоть и сказывал мне Исуп Глазатый, что, едучи с Москвы к Нижнему, он сустрел их на пути во образе калик переходящих, а все страшно.

– Точно, матушка, – подтвердил старичок, – каликами переходящими они к Москве путь держали. А царь-от Ибрагим и грамоту им дал с тамгою, плечо о плечо татаровям с хлыновцами добывать Москву. А все же не одобряю я сего. Хоша Пахомий Лазорев и похвалялся: «Давно-деи мы разве Золотую Орду пустошили, стольный их град Сарай на копье взяли и разорили? А Москва-деи Сарая сколько годов кланялась, дань давала, а московские князья холопами себя у тех ханов почитали... Не устоять-деи Москве супротив Хлынова и Казани.

– Ох-ох! – скорбела воеводица.

В это время из церкви вышли две девушки.

– Вот и Онюшка с Оринюшкой...

Одна из девушек была белокурая красавица, высокая, стройная, с роскошною льняною косой, мягким жгутом падавшею до подколенных изгибов. Что придавало ее миловидному

³ По церковным канонам Радуница – день поминовения усопших, родительская (во вторник второй недели Пасхи). Автор отмечает языческий оттенок, который был присущ этому дню в то далекое время.

личико особую оригинальность и красу – это ясные черные, детски невинные глаза под черными же дугами бровей. Это и была Оня, дочь воеводицы.

Другая девушка была полненькая, черненькая, с синими, как васильки, глазами. Когда она улыбалась, сверкали ровные и белые, как кипень, зубки. Эта была Оринушка Богодайщикова, приятельница Они.

Обе девушки подошли под благословение старичка.

– Здравствуйте, девоньки, – ласково заговорил он, перекрестив истово и погладив наклонные девичьи головки. – Молились, деточки?

– Молились, батюшка, – отвечали они.

– Благое дело творили, детки, – похвалил старичок. – А то, вон там, невегласи, вишь, как бесу молятся, – кивнул он головой по тому направлению, откуда несло пение и гудение веселой Радуницы. – Ишь расходилось бесовское игрище!

А «бесовское игрище» было, по-видимому, в самом разгаре. То веселились дети природы, совершая обрядовый ритуал, как во время Перуна, который, казалось, на мольбы новгородцев «выдибай, Боже!» сжалился над детьми природы, выплыл на берег Волхова и переселился на берега Вятки, где и ютился в зелени лугов града Хлынова.

Теперь бубны перешли в нестовое гудение, а пение в «неприязнен клич». То уже была оргия несдерживаемой страсти: «хребтами вихляние, ногами скакание и топтание», женское и девичье «шатание» – бал детей природы, только не в душных залах, а среди цветов и зелени лугов, под бледным северным небом, которое, казалось, благословляло их...

– Про батюшково здоровье молилась, миленькая Онисьюшка?

– Про батюшково, дедушка, – отвечала, потупляя лучистые глаза, Оня.

Но если б через эти лучистые глаза можно было заглянуть в девичье сердце, то там, рядом с лицом старого батюшки-воеводы, отразилось бы другое бородатое лицо, полное мужественной энергии. Но об этом знала-ведала только подушка, Оня да ее сорочка у сердца, трепетавшая при мысли об этом бородатом лице...

– И ты, девинька Оринушка, во батюшков след поклоны клала у Честнаго Креста Господня? – спросил старичок и у другой девушки.

– Да уж и не ведаю, дедушка, в котору сторону след батюшков, к Котельничу ли, ко Никулицину ли али ко Казани, – отвечала девушка.

Мать Они, воеводица, невольно вздрогнула и стала прислушиваться. С лугов, по-видимому, возвращались праздновавшие Радуницу, и отчетливо можно было слышать протяжное пение незнакомых голосов:

Аще кто из нас, калик перехожих,
Котора калика зоворуется,
Котора калика заплутуется,
Котора обзарица на бабину, —
Отвести того дородна добра молодца,
Отвести далеко в чисто поле:
Копать ему ямище глубокое,
Во сыру землю по белым грудям.
Чист-речист язык вынять теменем,
Очи ясныя – косицами.
Ретиво сердце промежду плечей...
Казнёна дородна добра молодца
Во чистом поле оставити...

И мать Они, и старичок Елизарушка многозначительно переглянулись.

– Откуда бы сим каликам быть? – проговорил последний. – Это не из наших: голоса неведомые.

– А может, батюшка с... нашими, с товарищи, – тихо проговорила Оня и вся вспыхнула.

IV. РОКОВОЕ РЕШЕНИЕ

Сердце девушки не обманулось. Она узнала *его* голос...

Все четверо, стоявшие у церкви, пошли на голос калик перехожих. Вот они все ближе и ближе. Их всего трое. Один старый, слепой, с домрою за плечами. Двое других, помоложе, зрячие. Все с длинными посохами.

Увидав их, Оня бросилась навстречу, да так и повисла на шее у слепого.

– Батя! Батюшка! Родной! – шептала она, захлебываясь, но в то же время, по девичьему коварству, вся впиалась глазами в одного из зрячих.

У другого зрячего уже висела на шее Оринушка...

– Что, стрекозы, узнали своих? – радостно улыбался «слепой», открывая глаза и нежно отстраняя от себя Оню. – А там никто из радунян не признал нас.

И он подошел к матери Они, к той, что называли воеводицей.

– Здравствуй, старушка Божья! – сказал он, обнимая ее. – Здравствуй и ты, святой муж Елизарушка... Что? Знать, не ожидали гостей?

Это оказались те самые калики перехожие, которых мы видели в Москве, на пиру у князя Данилы Щеняти.

После обоюдных приветствий все двинулись к дому Ивана Оникиева, воеводы города Хлынова.

– Благо, никто нас там не признал, – говорил тот, который был слепым. – А уж наутро объявимся в земской избе, на вече, после благодарственного молебна у Воздвиженьи.

В доме воеводы калики перехожие сняли с себя каличье одеяние и явились в большую горницу в добрых суконных кафтанах, а тот, который был слепым, вышел в горницу в богатой «ферязи» с высоким «kozyрем»⁴, унизанным жемчугами, самоцветными камнями и бирюзой.

Оня с матерью и с Оринушкой хлопотали по хозяйству, и слуги под их руководством ставили на стол питания и яства, конечно, постные, так как дело было в Петров пост⁵. На столе появились всяческие грибы, янтарные балыки, тешки и провесная белорыбица.

– Не взыщите, гости дорогие, – суетилась мать Они, – ночь на дворе, горячаго варева нетути, не чаяли, не гадали, что Бог пошлет гостей.

– Так, так... «гостей», говоришь... – улыбался тот, который был «слепым» и который, по всему, был в этом доме хозяином. Потом он приказал слугам:

– Теперь, ребятушки, идите спать. Мы и без вас жевать умеем.

– А как вы, девиньки, засветла повечеряли, так тоже ступайте баинькать, – сказала мать Они обеим девушкам. – Утреть надо будет встать с колоколом.

И девушки, низко поклонившись, ушли в свой теремок, на вышку. Но Оня все-таки успела еще раз переглянуться с одним из пришедших.

– Кажись, с Божьей помощью дело налажено, – сказал хозяин. – Казанский царь Ибрагим давно адом на Москву дышит... Краше, говорит, быть мне улусником Хлыноваграда, неже Москвы ненасытной, загребущей. И вот ево целовальная грамота граду Хлынову: на коране целовал и ротился⁶, а мы ротились на кресте, целовали при всех мурзах.

Он вынул из-за пазухи небольшой сверток в зеленой тафте и положил на божницу, в золотой ларец.

⁴ Долгопольный мужской кафтан с длинными рукавами и стоячим воротником, «kozyрем», который, как правило, носил декоративный характер и богато изукрашивался шитьем и камнями.

⁵ Описка, так как «была» в этот день Радоница.

⁶ Ротиться – божиться, клясться, присягать.

– Вотяцкие князья нашей вятской земли тоже нашу руку держать ротились перед своими богами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.